

И. П. Зайцева

(г. Витебск, Республика Беларусь)

УДК 82-057.4:81:502

**К.Г. ПАУСТОВСКИЙ О КЛЮЧЕВЫХ ПАРАМЕТРАХ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ:
ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Слово! Язык! Об этом нужно писать не короткие статьи,
а страстные воззвания к писателям,
обширные монографии, тончайшие исследования.
К.Г. Паустовский, «Поэзия прозы»*

В настоящее время уже можно с уверенностью утверждать, что одно из направлений, или аспектов, лингвистических исследований (хотя, с нашей точки зрения, этот феномен точнее было определять как *междисциплинарную область с ведущим лингвистическим компонентом*), для обозначения которого используется несколько синонимичных названий: *лингвистическая экология, лингвоэкология, экологическая лингвистика, эколингвистика* – безусловно, состоялось. Начало его формирования относится к концу прошлого и первым годам нынешнего столетий, хотя, конечно же, составившие проблематику этого направления вопросы поднимались исследователями и гораздо раньше, в том числе – что представляется нам весьма показательным – и с использованием собственно термина «экология» – как, например, в статье в двух частях Л.И. Скворцова под названием «Культура языка и экология слова», опубликованной в журнале «Русская речь» в 1988 году [9; 10]. В этой статье автор отчётливо соотносит термин «лингвистическая экология» с понятиями культурной среды и «экологии культуры», неотъемлемой частью которой является язык, упоминает о дискуссиях по поводу состояния современного словоупотребления, время от времени возникающих в периодической печати и об обзоре читательских писем в газете «Советская Россия» (1 марта 1988 года) под характерным заголовком «**Экология** слова» (выделено мною. – И. З.). Вероятно, эту публикацию и следует воспринимать как один из первых «шагов» введения рассматриваемого термина в научный оборот: «В последнее время вопросы развития языка, проблемы культуры русской речи начинают рассматриваться в плане **лингвистической экологии**. И это вполне понятно. Язык любого народа – аккумулятор его культуры. Он закрепляет историческую память слова. И культура языка предстаёт как накопление этой памяти, как неразрывная духовная связь поколений. В наши

дни культура языка встаёт в контексте **экологии культуры** как её важнейшая часть» (выделено мною. – И. З.) [9, с. 3]. И хотя в упомянутой статье проблема экологии слова сводится преимущественно к оценке иноязычных заимствований, потоком «хлынувших» в русский язык в так называемые перестроечный и постперестроечный периоды, её публикацию, с нашей точки зрения, безусловно, следует считать знаковым событием для становления в последующем научной области, обозначаемую сегодня перечисленными выше терминами.

Примечательно, что Л.И. Скворцову принадлежит и изданная в **1996 году (!)** книга «**Экология слова**, или Поговорим о культуре русской речи» (выделено мною. – И. З.) с подзаголовком «книга для учащихся» [12], т. е. принадлежащая к *научно-популярной* литературе для школьников старших классов, в которой, как правило, в доступной и для неспециалистов, популярной форме излагаются актуальные проблемы той или иной научной области – в данном случае, это, конечно, проблемы лингвистического характера, однако явно выходящие за традиционные рамки этой науки.

На рубеже XX и XXI веков термин «лингвистическая экология» и синонимичные ему номинации уже включаются в справочные источники языковедческой терминологии. Так, в энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (2003) приводится описание **двух** значений термина «лингвистическая экология, или лингвозэкология», предлагаемых разными исследователями и в определённой степени «оппонирующих» друг другу. Одно из них, принадлежащее А.П. Сквородникову, сосредоточивает внимание преимущественно на философских основаниях данного направления, или аспекта, лингвистических исследований в области культуры речи (именно так квалифицируется им определяемая научная область), предметом которого является «проблематика языковой среды в её динамике, прежде всего проблематика языковой и речевой деградации (изучение факторов, негативно влияющих на развитие языка и его реализацию) и проблематика языковой и речевой реабилитации (изучение путей и способов обогащения языка и совершенствования социальной практики общения на данном языке» [13, с. 293]. Центральным понятием лингвистической экологии А.П. Сквородников считает понятие **языковой среды**, которое применительно к языку следует трактовать *двупланово*. Во-первых, как «некое состояние языковой системы и общественно-речевой практики в данный исторический момент развития языка, оказывающее определённое влияние на формирование языкового сознания

(в том числе – языковых предпочтений членов социума)» [13, с. 294]. Помимо этого, языковая среда представляет собой «совокупность экстралингвистических факторов и условий (экономических, политических, идеологических, культурных, социально-психологических, этнопсихологических и т. д.), влияющих на состояние языка, направление его развития и характер функционирования» [13, с. 294].

Второе значение толкуемого термина раскрывается определением, которое даёт Л.И. Скворцовым: оно ориентировано прежде всего на понимание лингвистической экологии как определённого рода деятельности *по практическому использованию* результатов того отношения к языку и речи, которое предопределено взглядами на эти явления, сформированными на основе понимания (и, соответственно, принятия этого) актуальности проблем, очерченных в определении лингвоэкологии А.П. Сковородникова (ссылка на него прямо даётся в цитируемой далее дефиниции). Лингвистическая экология определяется в этом случае как «использование на практике результатов Лингвистической экологии 1. Забота о языке как о духовной среде обитания человека; **культивирование бережного, любовного отношения говорящих и пишущих к родному языку как важнейшему средству общения, сокровищнице национальной культуры...**

Экологический подход в вопросах культуры языка предполагает **воспитание любви к родному языку, обострённого чувства ответственности за его прошлое, настоящее и будущее»** (выделено мною. – И. З.) [11, с. 294–295].

В настоящее время определения лингвистической экологии можно найти во многих справочниках и/или словарях лингвистических терминов; как, правило, в них объединяются оба аспекта, обозначенные как основные в приведённых определениях А.П. Сковородникова и Л.И. Скворцова. Так, например, в «Полном словаре лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой находим: «**ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ** (лингвистическая экология) – ответвление теории культуры речи, сосредоточенное на проблемах речевой деградации и её преодоления. Преемственно по отношению к экологии – науке о взаимодействии человека со средой своего обитания. В лингвоэкологии являются опорными понятия языковая личность и языковая среда. В лингвоэкологии выделяются разновидности «загрязнения» языковой среды: экспансия заимствований, нарушение стилистического баланса, языковой нигилизм и цинизм, речевое манипулирование, вульгаризация и криминализация языка, речевая агрессия. В равной степени лингвоэкология занимается

определением направлений и задач оздоровления языковой среды: это воспитание отношения к литературному языку как к общенациональной духовной ценности, индивидуальное «языковое расширение» (А. Солженицын), преодоление разрыва преемственности современного русского языка по отношению к церковно-славянскому, утверждение значимости гуманитарного образования и просвещения. Предлагаемые лингвоэкологией методы – это культурно-речевой мониторинг, публичные дискуссии о языке, критика речи, работа общественной службы языка, просветительская деятельность» [6, с. 179].

Весьма любопытным представляется определение лингвоэкологии, сформулированное Т.В. Жеребило, разграничивающее в этом термине два значения, одно из которых (первое) связано с осуществлением языковой политики, а второе акцентируем внимание на философских основаниях так называемого философского мировоззрения, учитывая при этом и практико-ориентированную составляющую данной научной области: **«ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ.** 1. Языковая политика, направленная на сохранение языкового идиома (этнического языка, диалекта и т. п.). Лингвоэкология включает: 1) юридическую защиту лингвистического разнообразия; 2) мероприятия по расширению общественных функций языковых образований; 3) поднятию их престижа среди носителей и в обществе в целом.

2. Составная часть экологического мировоззрения, получившего развитие во второй половине XX в., которое рассматривает сосуществование органических и неорганических сущностей в большей степени как взаимовыгодные отношения и в меньшей как борьбу за существование. Применительно к лингвистике это означает: 1) изучение языков в контексте их функционирования; 2) исследование разнообразия лингвистических феноменов; 3) признание возможности сосуществования всех языков; 4) **прикладной характер исследований, направленных на решение языковых конфликтов, повышение качества образования, поддержку и возрождение миноритарных языков;** 5) исследование адаптивных стратегий языков и языковых экологических систем; 6) определение факторов, обеспечивающих высокую степень витальности языков» (выделено мною. – И. З.) [3, с. 218].

Тесная соотнесённость лингвоэкологической проблематики с осуществлением языковой политики находит отражение ещё в одном введённом Т.В. Жеребило понятии – *лингвоэкологическая мотивация закона о языке*, трактуемом ею как «мотивация, связанная с тем, что языки являются историко-культурным наследием и находятся под защитой государства» [3, с. 218],

что, конечно же, свидетельствует о продолжающейся активной разработке круга исследуемых в рамках этого научного направления проблем, в том числе и в плане дополнения, уточнения и т. п. его теоретико-методологических оснований.

Однако в двух последних из приведённых определений лингвоэкологии не фигурирует понятие «родной язык», что представляется нам не совсем логичным: значительная часть ставящихся и решаемых в рамках лингвоэкологии вопросов, и в первую очередь – формирование гармоничной, состоявшейся языковой личности, связана, с нашей точки зрения, именно с феноменом *родного языка* (на что и обращается внимание в приводимом ранее определении Л.И. Скворцова). И в современной социально-культурной ситуации, когда родной для очень значительного числа носителей русский язык подвержен всевозможным рискам, в том числе и затрагивающих его ценностную основу, именно этот аспект лингвоэкологии видится нам требующим первоочередного внимания – как исследовательского, так и со стороны широкой общественности.

При «культивировании бережного, любовного отношения говорящих и пишущих к родному языку как важнейшему средству общения, сокровищнице национальной культуры» (Л.И. Скворцов) поистине бесценный материал для разноаспектного осмысления представляют высказывания по этому поводу творческих личностей, проявивших себя в разных видах искусства – прежде всего, конечно, в искусстве художественной словесности, литературном творчестве. Это обусловлено особенностями мировосприятия писателей – их мировидения и мироощущения, которым – часто на подсознательном уровне, ввиду обладания ими более «отточенным», чем у других, языковым чутьём – открывается (или хотя бы *приоткрывается*) то, чему в общении сугубо практического характера мы в большинстве случаев не придаём должного значения. Если же такого рода высказывания систематизированы, собраны автором в целостное произведение и тем более в отдельную книгу – что бывает, надо признать (к сожалению или к счастью – сложно судить), совсем нечасто, – то их значимость при этом, безусловно, только возрастает.

К уникальным авторам, в творчестве которых лингвоэкологическая проблематика находит системное образно-ценностное воплощение, принадлежит выдающийся русский прозаик XX столетия **Константин Георгиевич Паустовский** (1892–1968).

Говоря академическим языком, **всё** творчество К.Г. Паустовского так или иначе связано с теми проблемами, которые находятся в центре лингвистической экологии,

поскольку в любом из произведений можно найти практическое воплощение одного из наиболее известных высказываний этого писателя: *«Всегда ли мы обращаемся с этим языком так, как он того заслуживает?»*

По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности.

Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к родному языку, – дикарь. Он вредоносен по самой своей сути потому, что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа.

Мы приняли в дар блистательный и неслыханно богатый язык наших классиков. Мы знаем могучие народные истоки русского языка» [8].

Приведённое высказывание, как можно убедиться, справедливо по отношению к любому человеку: как к обычному носителю русского языка (хотя далее будет показано, насколько ценил писатель общение с так называемыми *простыми* людьми, блестяще продемонстрировав в своих произведениях, как многому может почерпнуть из него для себя человек образованный, в том числе и творческой – писательской – профессии). Однако в двух произведениях этого автора, на которых мы в данном случае и сосредоточимся, его лингвоэкологическая концепция изложена наиболее системно – последовательно и аргументированно: это статья «Поэзия прозы», впервые опубликованная в журнале «Знамя» в 1953 году, а затем вошедшая в оба издания сборника «О писательском труде» (1953 и 1955 годы) [8]; и повесть «Золотая роза» [7], составленная из очерков, где, как сказано в одной из аннотаций к этой книге, автором сделана «попытка постигнуть тайны литературного творчества на основе собственного писательского опыта и осмысления творчества великий писателей» [8].

Писательский труд зиждется, по мнению Паустовского, на таком отношении к родному языку, которое прежде всего отражает его чётко выраженную гражданскую позицию, в которой любовь к отечеству и любовь к родному языку связаны самым тесным, взаимообуславливающим образом. Однако при этом, утверждает он, на писателя ложится гораздо бóльшая ответственность, что образно конкретизируется во многих зарисовках – ср., например: *«Недавно в автобусе я услышал такую чудовищную фразу:*

– По линии выработки продукции наше метизовое предприятие ориентируется на завышение качественных показателей и нормативов.

Что это за косноязычная галиматья! Слушая её, я подумал: *не для того жили и писали на изумительном русском языке Пушкин и Лев Толстой, Горький и Чехов, чтобы их потомки утратили чувство языка и позволяли себе говорить на этой тошнотворной и мёртвой мешанине из плохо переваренной иностранщины и языка протоколистов*, – его нам оставило в качестве омерзительного наследства царское бездушное чиновничество.

Этого не может быть! *Этого не должно быть!* Нужно беспощадно бороться с обеднением языка, со всеми этими «засёмками», «зачитываниями докладов», «уценёнными товарами», «промтоварными точками» (а быть может, запятыми?), с «рыбопродуктами» вместо простой и честной рыбы, наконец с дикой путаницей понятий.

Мы сталкиваемся с этой вывихнутой речью не только в учреждениях и на вывесках (Вот примеры: «Скупка вещей от населения». Типичный южный жаргон, где говорят: «Я купил от него пальто». Или: «Проезд для транспорта». С таким же успехом можно было бы повесить вывеску: «Проезд для человечества»); много искажённых, испорченных слов проникает в газеты и даже в художественную литературу.

Писатели должны быть в первых рядах борьбы за естественное развитие языка и за очистку его от всяческого сора» (выделено мною. – И. З.) [8].

После прочтения приведённого фрагмента может сложиться впечатление, что автор этих слов ратует за использование в процессе общения исключительно литературного языка, что, конечно же, не так: Константин Паустовский необыкновенно ценит народный язык, складывающийся веками, в процессе формирования которого из него отсеивалось всё надуманное и ненужное, а оставалось лишь то, что органично вошло в этот гибкий живой организм, способный в каждой конкретной ситуации актуализировать соответствующую ей грань. Это блестяще продемонстрировано во многих произведениях писателя, но наиболее интересными не только для читателя, но и с исследовательской точки зрения представляются размышления автора-рассказчика в одной из глав повести К.Г. Паустовского «Золотая роза» – в очерке «Алмазный язык».

Приведём один из фрагментов упомянутой главы – из очерка «Язык и природа»: *«Я уверен, что для полного овладения русским языком, для того, чтобы не потерять чувство этого языка, нужно не только постоянное общение с простыми русскими людьми, но общение с пажитями и лесами, водами,*

старыми ивами, с пересвистом птиц и с каждым цветком, что кивает головой из-под куста лещины. ...

Недавно в деревне один маленький мальчик пришёл во время грозы ко мне в комнату и, глядя на меня большими от восторга глазами, сказал:

– Пойдём смотреть грома?!

Он был прав, сказав это слово во множественном числе: гроза была обложная, и гремело сразу со всех сторон.

Мальчик сказал «смотреть грома», и я вспомнил слова из «Божественной комедии» Данте о том, что «солнца луч умолк». **И тут и там было смещение понятий. Но оно придавало резкую выразительность слову**» (выделено мною. – И. З.) [7].

Внимание к народному языку, по мнению К. Паустовского, – одно из обязательных условий совершенствования писателем своего мастерства: **«Богатство писательского словаря, как говорится, – «дело наживное». Языку мы учимся и должны учиться непрерывно до последних дней жизни. Должны учиться всюду, но прежде всего у народа, у бывалых людей, у писателей, прославленных обширностью и живописностью своего словаря (у Горького, Лескова, Пришвина, Алексея Толстого и других).**

Мы обязаны искать и собирать повсюду, как золотиносный песок, по крупницам образцы русской речи: в поездках, колхозах, среди людей самых разных профессий, в поэзии, в научных докладах, в народных легендах, в речах политических деятелей. Обязаны собирать эти образцы, вводить их в прозу и добиваться самого трудного – чистоты и верности рисунка и почти суровой простоты выражения» (выделено мною. – И. З.) [8].

Завершаются приведённые размышления обращением к представителям русской классической литературы, к созданным – в результате невероятно сложного, длительного и подчас изнуряющего труда – писателями-классиками непревзойдённым образцам литературного творчества: **«Как сложна эта работа, как труден подъём к простоте, знают все крупные писатели. Почти каждый из них прошёл медленный путь от обилия слов и приподнятости до суровости и сдержанности истинно прекрасного, потому что «служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво»** [8].

Ещё один своего рода постулат писательской деятельности, по Паустовскому, – это постоянное и пристальное внимание представителей словесно-художественного творчества к человеку: то, что в современной науке принято обозначать понятием *антропоцентричность*. Вот как об этом говорится в статье «Поэзия прозы»: **«По существу вся настоящая**

полноценная проза, перед которой мы преклоняемся, говорит об одном – о человеке. Для него работают писатели. Ему они стремятся передать всё лучшее, что накопили и воспитали у себя в душе, на сердце. Ему они стремятся передать, выразить всё до конца, не требуя наград, не ожидая возврата.

И как великие идеи рождаются всегда в глубине сердца, так и писательская щедрость навеки завоевывает людские сердца» (выделено мною. – И. З.) [8].

В своих произведениях Константин Паустовский детально анализирует **все составляющие** писательского труда – качества личности, без которых в этой профессии, по его мнению, невозможно состояться. Это, во-первых, обладание развитым воображением, которому писатель придаёт очень важное, иногда – решающее, значение. При этом Паустовский акцентирует внимание на том, что воображение, конечно же, в той или иной степени должно быть присуще любому человеку – это одно из качеств, которые и отличают его от других живых существ. Но к воображению писательскому предъявляются особые, более строгие, требования, что раскрывается в приводимом далее фрагменте из главы «Животворящее начало» повести «Золотая роза»: «Одно из замечательных свойств воображения заключается в том, что человек ему верит. Без этой веры оно было бы пустой игрой ума, бессмысленным детским калейдоскопом.

Эта вера в воображаемое и есть та сила, что заставляет человека искать воображаемого в жизни, бороться за его воплощение, идти на зов воображения, как это сделал старый гидальго, наконец – создавать воображаемое в действительности.

Но прежде всего и сильнее всего воображение связано с искусством, литературой, с поэзией.

Воображение основано на памяти, а память – на явлениях действительности. Запасы памяти не представляют из себя чего-то хаотического. Есть некий закон – закон ассоциаций, или, как называл его Ломоносов, «закон совоображения», который весь этот хаос воспоминаний распределяет по сходству или по близости во времени и пространстве – иначе говоря, обобщает – и вытягивает в непрерывную последовательную цепь. Эта цепь ассоциаций – путеводная нить воображения.

Богатство ассоциаций говорит о богатстве внутреннего мира писателя. При наличии этого богатства любая мысль и тема тотчас обрастают живыми чертами» (выделено мною. – И. З.) [7].

Развитости же воображения, по Паустовскому, может способствовать открытость писателя к восприятию созданного в других видах искусства – музыки, живописи, архитектуры,

скульптуры – всего, что в течение тысячелетий сотворено человечеством: *«Есть неоспоримые истины, но они часто лежат втуне, никак не отзываясь на человеческой деятельности, из-за нашей лени или невежества».*

Одна из таких неоспоримых истин относится к писательскому мастерству, в особенности к работе прозаиков. Она заключается в том, что знание всех соседних областей искусства – поэзии, живописи, архитектуры, скульптуры и музыки – необыкновенно обогащает внутренний мир прозаика и придает особую выразительность его прозе. Она наполняется светом и красками живописи, свежестью слов, свойственной поэзии, соразмерностью архитектуры, выпуклостью и ясностью линий скульптуры, и ритмом, и мелодичностью музыки.

Это всё добавочные богатства прозы, как бы её дополнительные цвета.

Я не верю писателям, не любящим поэзию и живопись. В лучшем случае это люди с несколько ленивым и высокомерным умом, в худшем – невежды» (выделено мною. – И. 3.) [8]

Связь литературного творчества с живописью представляется писателю не только закономерной и логичной, но и необходимой – именно она, по мнению, К. Паустовского, позволяет художнику слова сохранять остроту, постоянную «свежесть» восприятия, которое в конечном итоге формирует оригинальность и неповторимость писательского почерка, индивидуально-авторскую манеру его письма, помогая находить верные способы раскрытия человеческого характера: *«У художников можно учиться непосредственному восприятию окружающего – свойству, характерному для детей. Ребёнок каждый день открывает заманчивый мир, давно наскучивший взрослым».*

Это качество – видеть всё как бы впервые, без тяжёлого груза привычки, видеть всегда как бы вновь, – присущее детям и художникам, необходимо и писателям. Тогда каждый человек, каждый его поступок, жест, слово, каждая вещь – будь то радуга или изломанный кусок антрацита – приобретает силу новизны, силу открытия» (выделено мною. – И. 3.) [8].

Наряду с размышлениями концептуально-эстетического характера по отношению к писательскому труду в произведениях К. Паустовского содержатся и более конкретные рекомендации – с нашей точки зрения, чрезвычайно ценные для всех представителей этой творческой профессии – в особенности начинающих. Таковы, к примеру, рассуждения писателя об одном из наиболее распространённых изобразительно-выразительных средств, используемых и поэтами, и прозаиками: об **эпите**те. Все существующие на сегодня определения этого образного средства

в принципе сходны (хотя следует отметить неоднозначность в подходах к его трактовке: чаще исследователи относят эпитет к *тропам*, однако существует и точка зрения, в соответствии с которой эпитет принадлежит к *стилистическим фигурам*). Так, в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» эпитет определяется как «слово, образно определяющее предмет или действие, подчёркивающее их характерное свойство», которое «наиболее употребительно в художественной речи, где выполняет эстетическую функцию» [5, с. 460]. Одним из наиболее глубоких и подробных определений эпитета, акцентирующим внимание на его отличии от обычного прилагательного-определения, представляется толкование этого тропа, данное А.П. Квятковским: «**ЭПИТЕТ** (греч. ἐπίθετον – приложение) – в собственном смысле, образная характеристика какого-либо лица, явления или предмета посредством выразительного метафорического прилагательного. Как художественную деталь эпитет нельзя смешивать с определительными прилагательными... Некоторые теоретики литературы неправильно придают эпитету расширительное значение стилистической фигуры, выражаемой разными частями речи, например, глаголом. Между тем эпитет – это всегда метафорическое прилагательное, в котором заключён меткий признак сравнения. Само происхождение слова говорит о том, что эпитет как часть речи – это прилагательное, но не определительное, а художественное, образное» [4, с. 359]. Константин Паустовский не разделяет точку зрения, высказанную А.П. Квятковским, в соответствии с которой в состав *эпитетов* включаются *лишь имена прилагательные с элементом образности* – судя по всему, в его понимании – что следует из приводимого далее фрагмента статьи «Поэзия прозы» – эпитет может быть выражен не только прилагательным в синтаксической функции определения, но и наречием, глаголом и иными частями речи: «Достаточно один раз прочесть: «меркнет молодость» (у Лескова), «пронзительный свет луны» (у Гончарова), «солнца луч умолк» (у Данте), чтобы эти эпитеты остались в нашей памяти на всю жизнь».

Говоря об эпитете, об образе, мы уже входим в ту лабораторию писателя, где господствует слово» (выделено мною. – И. З.) [8].

Предваряется же этот вывод советами очевидно практического свойства, адресуемыми К.Г. Паустовским писателям, преимущественно молодым. Эти советы, которые, с нашей точки зрения, заслуживают быть квалифицированными как *руководство к действию* при овладении писательским мастерством, а в совокупности с советами по организации творческого процесса

(об этом будет подробнее сказано далее) – как очень нужное пособие не только для овладения мастерством писателя, но и для его совершенствования: *«Обычно начинающие писатели грешат обилием образов и эпитетов. Это придаёт их прозе мёртвую пыльность, сусальную или трескучую красоту»*.

Бывает, что к одному существительному прилагается несколько эпитетов. Эпитет должен запоминаться. А для этого он должен быть единственным.

Из трёх эпитетов, приложенных к существительному, один всегда будет наиболее точным, а остальные два безусловно будут ему уступать. Поэтому ясно, что этот единственный эпитет надо сохранить, а остальные безжалостно вычеркнуть. То, что на писательском языке называется «вилкой», то есть существование двух равноценных и необходимых эпитетов к одному слову, – вещь чрезвычайно редкая.

Часто писатели берут эпитеты «напрокат», иными словами – идут по линии наименьшего сопротивления и просто повторяют те эпитеты, что как бы навсегда приклеены к тем или другим словам.

Нужна смелость, чтобы ввести эпитет свежий, показывающий предмет или явление в том новом его качестве, которое заметил писатель. Такие эпитеты живут долго» (выделено мною. – И. З.) [8].

На основе интереса писателя к другим видам искусства, и прежде всего к живописи, формируется чрезвычайно важное, если не ключевое, по мнению Константина Паустовского, писательское качество: *«Это – зоркость зрения, воспринимающего все краски, умение живописать словами, чтобы создать вещи зримые, чтобы не описывать, а показывать действительность, поступки и состояния людей. Это – знание огромных возможностей слова, умение вскрывать нетронутые языковые богатства. Это – умение почувствовать и передать поэзию, щедро рассеянную вокруг нас»* (выделено мною. – И. З.) [8].

Осознавая смысл этого высказывания, нельзя не поразиться тому, как удивительно точно выражает писатель свою мысль, создав индивидуально-авторскую – свежую, в соответствии с его терминологией – метафору из двух общезыковых синонимов: *зоркость зрения*, – смысл которой подробно раскрывается им в последующем контексте.

Этот индивидуально-авторский троп – метафора явно окказионального характера *зоркость зрения* – заслуживает, по нашему мнению, более детального рассмотрения. Первый компонент образованной К. Паустовским метафоры – номинация «зоркость» – в современном языке трактуется как

существительное, образованное от имени прилагательного, и употребляется в двух значениях (одно из них является переносным): ‘способность хорошо видеть мелкие и дальние предметы; обладание острым зрением’; ‘проницательность, наблюдательность (перен.)’ [1, с. 804–805], которые практически полностью совпадают с обозначенным именем прилагательным признаком, лишь представляя его в опредмеченном виде (ср.: **«ЗОРКИЙ ... 1. Хорошо видящий дальние и мелкие предметы; обладающий острым зрением. ... 2. Перен. Проницательный; наблюдательный»** [1, с. 804]). Второй компонент метафоры – номинация «зрение» – также употребляется в современном языке в двух значениях: ‘одно из пяти внешних и чувств, органом которого является глаз’ и ‘способность видеть’ [1, с. 807], исторически восходящих к одному из значений глагола *зрѣть* (*зрѣть*): **«Зрение ... Восприятие видимого посредством глаз, способность видеть. ... •зрѣть²»** (**«Зрѣть² ... кого-что и на кого-что (устар.) Видеть, смотреть»** [14, с. 283]).

Таким образом, оценивая метафору *зоркость зрения* с позиций современного лингвокультурного знания, адресат воспринимает её как обозначение гиперболизированной зрительной способности человека, причём применительно как к зрению в буквальном смысле, так и к зрению «внутреннему», которое выражается в особенно острой наблюдательности, проницательности и т. п. Более глубоко созданная К. Паустовским метафора может быть истолкована с учётом того смысла её компонентов, который был им присущ во второй половине XIX века – в частности, содержания, что зафиксировано «Толковым словарём живого великорусского языка» В.И. Даля, в соответствии с которым первый компонент рассматриваемой метафоры соотнесён с вышедшим из употребления в современном языке именем прилагательным «зорный» (при цитировании словаря В.И. Даля сохраняется оригинальная орфография первого этого источника): **«Зорный, ко зрѣню относящийся, служащий. Зоркій ... видючий, у кого острое зрѣнье и навѣкъ все видѣть, у кого глаза хороши, кто видит ясно и вѣрно. ... Зоркость ж. свойство, способность зоркаго»** [2, с. 622]. В этом случае семантика созданной К. Паустовским метафоры обогащается таким компонентами, как ‘ясность’ и ‘верность’ понимаемого в прямом и переносном смысле зрения, что, с нашей точки зрения, «отсылает» к такому феномену, как *языковое чутьё* – «тех несформулированных оценок, которые выносит личность в языковой области и в которых отражаются существующие в нём общественные речевые идеалы» [6, с. 555] – качеству, которым важно обладать любому носителю языка. Для писателя же, как и представителя

любой творческой профессии, оно просто необходимо, поскольку является основой для формирования **языкового вкуса**, базируясь в совокупности с последним «на культурно-национальной памяти, создающей базу объективной ценности языкового факта в духовной культуре народа» [6, с. 555].

Весьма оригинальны и безусловно полезны для писателей мысли Константина Паустовского *об организации* писательского труда: в его тонких и глубоких наблюдениях содержатся советы о том, как в процессе писательского творчества соединить, казалось бы, несоединимое: полёт свободного воображения с чётко выстроенной последовательностью действий по реализации творческого замысла, который в результате должен обрести целостную и законченную форму. Один из таких советов находим в статье «Поэзия прозы»: *«Часто свободное воображение писателя сопротивляется заранее составленным планам и схемам. Конечно, каждый прозаик составляет планы своих романов и повестей. Одни разрабатывают планы, «до последней точки», другие набрасывают их коротко, даже неясно. «Даль свободного романа я сквозь магический кристалл ещё неясно различал». ...*

План необходим, но он не должен тяготеть над произведением, как чертёж, не подлежащий изменению.

План не должен сковывать воображения – этого великолепного, поистине волшебного качества, основу подлинного искусства. Воображение загорается, как огромное, нестерпимо сверкающее солнце над дымкой первоначального замысла, и внезапно открывает перед нами удивительный и неведомый мир, полный идей, событий, блеска, радости, горя, труда, людских характеров, голосов, звуков, запахов, любви и гнева, пения птиц и полета облаков» (выделено мною. – И. З.) [8].

Константин Паустовский в своих произведениях не раз замечает, что охватить писательский труд во всей необъятности крайне трудно, что он сумел осветить, раскрыть суть лишь некоторых его моментов, и это, конечно, чрезвычайно скромная оценка писателем его собственного труда. Ему удалось в образно-ценностном ключе удивительно точно передать суть приоритетных основ творчества художника слова, прежде всего писателя-прозаика, заострить внимание на самых трудноуловимых его моментах и – что в данном случае видится нам наиболее ценным – поразительно глубоко и тонко показать, насколько **тесно взаимосвязаны** развитие языковое чутьё, проявляющееся в том числе и в любовном отношении к родному языку, и мера писательского таланта.

Вот как подытоживает свои размышления К. Паустовский в статье «Поэзия прозы»: *«Я пытался насколько возможно яснее*

и убедительнее показать, что труд художника ценен не только конечным своим результатом – хорошим произведением, но и тем, что самая работа писателя над проникновением в духовный мир человека, над языком, сюжетом, образом открывает для него и для окружающих большие богатства, заключённые в том же языке, в образе; что эта работа должна заражать людей жаждой познания и понимания и глубочайшей любовью к человеку и к жизни. Иначе говоря, не только литература, а самое писательство является одним из могучих факторов, создающих человеческое счастье» (выделено мною. – И. З.) [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка: в 30 тт. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – Т. 6. З – Зятюшка. – М.-СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2006. – 826 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая. А–З. – Москва: Въ типографіи А. Семена, 1863. – 627 с.
3. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
4. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
5. Котюрова, М.П. Стилистические ресурсы лексики (лексическая стилистика) / М.П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2006. – С. 456 – 474.
6. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
7. Паустовский, К.Г. Золотая роза / К.Г. Паустовский. – М. : Эксмо, 1955. – URL: <https://avidreaders.ru/download/zolotaya-roza.html?f=pdf> (дата обращения: 25.05.2023).
8. Паустовский, К.Г. Поэзия прозы / К.Г. Паустовский // Знамя. – 1953. – № 9. – URL: – Режим доступа: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/poeziya-prozy.htm> (дата доступа: 29.05.2023).
9. Скворцов, Л.И. Культура языка и экология слова / Л.И. Скворцов // Русская речь. – 1988. – № 4. – С. 3 – 10.
10. Скворцов, Л.И. Культура языка и экология слова / Л.И. Скворцов // Русская речь. – 1988. – № 5. – С. 3 – 10.
11. Скворцов, Л.И. Лингвистическая экология / Л.И. Скворцов // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-

- справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 294 – 296.
12. Сковорцов, Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи: Книга для учащихся. – М.: Просвещение, 1996. – 158 с.
13. Сковородников, А.П. Лингвистическая экология / А.П. Сковородников // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 840 с.
14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.

АННОТАЦИЯ

Зайцева И.П. К.Г. Паустовский о ключевых параметрах языковой личности писателя: лингвоэкологический аспект

В статье – с позиций одного из недавно оформившихся междисциплинарных направлений, лингвоэкологии, – анализируется ряд высказываний знаменитого русского писателя второй половины XX века, К.Г. Паустовского, о значимости в жизни каждого человека родного языка, требующего от его носителя внимательного и бережного отношения. При этом писатель убедительно, используя оригинальные, преимущественно индивидуально-авторского характера, образные средства, показывает особую важность лингвоэкологического подхода к родному языку для писательского творчества, для совершенствования мастерства писателя.

Ключевые слова: лингвоэкология, родной язык, общенародный язык, языковая личность писателя, мировидение, мироощущение, индивидуально-авторская манера.

SUMMARY

Zaitseva I.P. K.G. Paustovsky about the Key Parameters of the Linguistic Personality of the Writer: Linguo-ecological Aspect

The article analyzes a number of statements by the famous Russian writer of the second half of the 20th century, K.G. Paustovsky, about the importance of the native language in the life of every person, which requires an attentive and careful attitude from its native speaker. At the same time, the writer convincingly, using original figurative means, mainly of an individual author's nature, shows the special importance of a linguo-ecological approach to the native language for writing, for improving the writer's skills.

Key words: linguoecology, native language, national language, linguistic personality of the writer, worldview, attitude, individual author's manner.

А. В. Петров (г. Симферополь, РФ),

Л. А. Петрова (г. Горловка, РФ)

УДК 811.161.1'373.611

**ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СРАВНЕНИЯ
В КОНСТРУКЦИЯХ МОДЕЛИ
«ПРЕДЛОГ С(СО) + N5 + и + N5 + N2»
(НА МАТЕРИАЛЕ «НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА
РУССКОГО ЯЗЫКА»)**

Актуальность исследования. Выбор конкретной модели конструкции обусловлен тем, что в языкознании наименее изучен вопрос о роли предлога в формировании сравнительных отношений. Например, в «Русской корпусной грамматике» в теме «Сравнительные конструкции» выделяются конструкции только со сравнительными предлогами *типа, наподобие, вроде, в отличие от* [9], хотя список предлогов, способных передавать сравнительное значение, значительно шире [6; 24; 25; 27]. Основное внимание учёные сосредотачивают на исследовании конструкций со сравнительными союзами.

Теоретической базой исследования послужили работы А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Е.В. Гулыги и Е.И. Шендельс, В.М. Огольцева, А.Ф. Прияткиной, Т.А. Тулиной, М.И. Черемисиной, Е.С. Шереметьевой, Н.А. Широковой, Д.Н. Шмелёва и др.

В понимании природы сравнения мы придерживаемся точки зрения М.И. Черемисиной, согласно которой внутренняя структура сравнения, независимо от уровня выражения, всегда является синтаксичной, так как сравнение – это общая схема построения словесного знака любого уровня сложности, содержащая в качестве строго обязательной части позицию «среднего члена» [28, с. 18], то есть грамматического показателя отношения сравнения, которым чаще всего является союз. Общая схема состоит из двух, возможно и более, сравниваемых предметов и показателя сравнения.

На современном этапе сравнение с различных позиций исследуют Ф.В. Даутия, Н.М. Девятова, О.В. Евтушенко, М.Н. Крылова, И.В. Левит, Н.А. Николина, Л.М. Малых, В.А. Маслова, М.М. Паршукова, З.Ю. Петрова, Л.В. Разуваева, А.В. Трегубчак, Ю.И. Юдина и др.